

Петроглиф с. Пакоч

Оно же входило во многие речевые обороты, поговорки, песни и топонимические названия, как, например, местность Малхиста.

Покой усопших так же оберегали подобными изображениями. Ведь ночью, когда для них светит их Солнце, Солнце Мёртвых, они помогали живым и здравствующим сородичам.

В изображениях петроглифов на чеченских башнях можно выделить несколько тематических линий:

- Крест. Этот знак, как оберег, перекрещивал «раз и навсегда» всё дурное. Так называемый «хороший крест» — заключённый в круг, мог указывать направление.
- Свастика. Большею частью связана с движением главного светила — Солнца. Быстро вращаясь, свастика превращается в спираль, а в ней, как в лабиринте, легко запутаться нечистой силе.
- Дуги с ресничками.
- Рука. В районе озера Галанчо́ж, с. Муцарой, на одной из башен есть петроглиф, изображающий левую кисть руки. Под рукой высечен П-образный знак — тамга, знак мастера. Закончив благопо-

лучно строительство, он обводил кисть своей руки и высекал его зубилом.

На башне с. Хайбах, на арочном камне дверного проема, изображена распластанная правая рука целиком от локтевого сустава. Пальцами она опущена вниз, тогда как в с. Муцарой была обращена кверху. Это — уже не рука мастера. Известно, что в древности и в Средние века у многих народов, в том числе и на Кавказе, принято было отрубать правую руку врага. Противник этим актом был повержен, если не убит, а руку его, попавшую к врагам, берегли, старались засушить, ибо эта рука — рука сильного и смелого противника — теперь передавала всю символическую силу победителям. И, чтобы сохранить силу вражеской руки и

почести, воздаваемые победителям, десницу врага могли изобразить и на камне¹.

Современные чеченские художники проводят интересные параллели с этими древними изображениями. Работа Абу Пашаева «Генезис» — как квинтэссенция представления чеченца о народных символах: рука — только вверх, к небу, к Солнцу. Энергия же Солнца клином сходит вниз, на родные горы, на Землю Предков — Даймохк. Башня не имеет завершения, в чем видится символ трагедий и разрушений, веками обрушивавшимися на чеченский народ. Но хотя бы одна пара рук последнего из чеченцев всегда прорвётся к Солнцу, и эти руки по форме изображения напоминают именно те, что встречаются на древних башнях в горах.

Другая параллель видится в работе Тамары Тайсумовой «Отпечаток» (2019). Отпечаток пальца довольно монументального размера для такой микротемы, словно парит в глухом, чёрном пространстве, ассоциирующемся с бесконечной глубиной ночного звёздного неба в горах, а цвет этого отпечатка отсылает нас к цвету самих гор и того камня, из которого сложены башни.

Историческая обстановка гор призывала к новым поискам средств выразительности для вечных тем, в том числе и для темы смерти.

Если в течение X–XVII веков вайнахи (общее название для чеченцев

Надгробная плита, с. Макажой

и ингушей) хоронили своих покойников в каменных склепах на склонах гор, то с приходом Ислама они начинают хоронить их по мусульманскому обряду — в земле и с использованием надгробного камня. И с течением времени этот камень — чурт (чеч.) становится объектом художественной выразительности. Прямоугольные плиты покрываются плоскорельефным рисунком. Кроме надписей на арабском языке, можно увидеть символы солнца, полумесяца, креста, звёзд, волнистых линий, поясков, растительного орнамента.

В определённый момент у стелы появляется пол. Так, на мужских памятниках проявляются торс и вещи, которыми человек пользовался при жизни: черкеска, газыри на ней, пояс с кинжалом, огнестрельное оружие, редко символы наградных знаков,

¹ Козенкова В.И. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. // Краткие сообщения института археологии АН СССР. — Вып. 103. — 1965.

Надгробный памятник воина, с. Хой

полученных при жизни (например, чурт из села Хой).

Этот же мотив мужского торса можно увидеть в работе молодой художницы Хеды Мамаевой «Джигит» (2020), где фрагментарность изображения торса воина отсылает нас напрямую к композиции мужского чурта — лишь мощь верхней части фигуры, без рук и изображения лица, диктуемого нормой Ислама.

На женских памятниках зачастую бывает изображён предметный прижизненный мир женщины: кувшины, швейные машинки, нитки, иголки, утюги, гребни для волос, нагрудные украшения её национального платья.

Самые глубокие связи с традиционными видами чеченского искусства имеет творчество Рустама Яхиханова, выпускника и препода-

вателя Санкт-Петербургской академии художеств имени И.Е. Репина. Впервые тема чуртов, переплетаясь с темой Памяти (народной, исторической, семейной, бытовой), громко прозвучала в его творчестве в большой серии картин «Депортация», посвящённой его родным, погибшим в высылке; землякам, тем, кого не знал, но с кем связан мощной корневой системой.

23 февраля 1944 г. чеченцы были депортированы Сталиным с родных земель в степи Казахстана, Киргизии и Сибирь в числе других народов (ингушей, кабардинцев, немцев, крымских татар и др.). Операция эта носила название «Чечевица», и, в результате неё от голода, холода и болезней погибло большое число

Мужской надгробный памятник, с. Макажой

депортированных. Семьи оказались расколотыми, дети безымянными попадали в детские дома; при оформлении документов в графе «национальность» зачастую писали «осетин», а в графе «родственники» — «родственников не имеет». Беспощадная сила пропустила через себя целый народ, всю страну.

Осмысление такой глобальной и тяжёлой темы требует осознанности, глубины интеллектуальной и духовной, жизненного опыта. И в творчестве Рустама Яхиханова она развивалась от личного опыта семьи к опыту народа. От камерных семейных сцен со своей бабушкой Рустам выходит на глобальную тему Судьбы чеченского народа, становится его бытописателем, отражая тяжёлый быт не жизни, но выживания.

В левой части его диптиха «Память» (2015) мы видим солдата, чеченца, вернувшегося с Великой Отечественной войны в 1945 г., но обнаружившего пустые горы — родных нет, очаг потушен. Его лицо обожжено войной, как и лица многих его ровесников по всей стране. Но война, как оказалось, — не главное испытание в его жизни...

В правой части триптиха фигура солдата трансформируется в чурт. Характер и воля воина перешли в состояние камня — холодного, прямо стоящего, неподатливого. Мальчик же, стоящий рядом, — сын или внук того воина. И он помнит...

Кульминацией темы надгробных памятников в творчестве Яхиханова стал триптих «Молитвы предков» (2015). Здесь чурты — не орнамен-

тированный фон, но полноценные главные герои картины. Духи же предков, напротив, растворяются в пространстве картины и времени, создавая ощущение тумана, пустынной утренней дымки, в то время как чурты выделяются из него. Встают жёсткими вертикалями, обдают материальностью своего холода. Именно они рассказывают нам о предках, их доблести, их нелёгких судьбах. И лишь птичка на центральном камне композиции напоминает нам о жизни.

Другой вид традиционного чеченского искусства, проявившийся у Яхиханова в новом звучании, — это истанг, традиционный войлочный ковёр.

Технология войлоковаления — однотипна для всех регионов Кавказа, но изготовление ковра имеет сугубо национальные традиции. Основной утилитарной функцией такого ков-

Истанг, XIX век

ра была термоизоляция каменного жилища. До 1900-х гг. орнаментирование применялось исключительно для настенных ковров. Этот факт связывали с символическим значением мотивов, используемых в чеченском войлоке. Основной отправной точкой и источником вдохновения для создания кавказских ковров, как и во многих других культурах, были природа и окрестный пейзаж. С древних времён многие природные явления по-разному толковались и выражались в виде орнаментов на ковре. Однако с переходом к Исламу мифологические, ритуальные символы минувших веков превратились в декоративные элементы.

Среди них можно выделить несколько линий, таких как: растительные орнаменты (образы растений и листья деревьев, произрастающих в данной местности); фигуры животных (рога буйволов, оленей, баранов; птицы на ветке, петухи); нефигуративные изображения (вариации крестов, свастик, звёзд и луны).

Для Яхиханова, как и для многих современных чеченских художников, истанг — неисчерпаемый источник вдохновения. Красота ковра, его пластика, жизнеутверждающий колорит, мифологические образы в том или ином виде проявляются в их работах.

Как историческое свидетельство чеченского быта, и, в некотором роде, как тоска по ушедшим временам, появляются они в работах Рустама Яхиханова «Ковровый рынок» (2016) и «Мать» (2011). В композиции «Мать» Яхиханов послонно

нанизывает на пространственную ось все самые главные понятия для чеченца: Мать — хранительницу домашнего очага, языка и традиций; дочь и сына, спящего в аге (колыбели) — продолжателей рода, будущего традиций народа; оружие и бурку Отца, который, как видно, уже в мире ином, символизирующими уважение к его памяти. И, как завершение оси — истанг, материальный код культуры чеченского народа.

Со всем иначе истанг предстаёт в творчестве Тамары Тайсумовой. У неё орнаменты ковра переходят на плоскости холстов больших форматов. Используя смешанные техники и современные материалы, такие как фактурные пасты, акрил, масло, Тамара придаёт истангу совершенно новое, современное, даже урбанистическое начало.

Её истанги — это отражение внутреннего мира чеченской женщины не XVIII–XIX веков, но века XXI. В работе «Страница № 6» (2021) орнамент истанга предстаёт как образ современной, стильной чеченки в вечернем платье на фоне мерцающего неба и горных вершин, строго стоящей на своей оси.

Её истанг — это сама Женщина, намного более динамичная прежней, а очаг и дом, хранительницей коих она является — это высокотехнологичный, глобализованно-нейтральный в своих внешних формах дом, однако душой которого по-прежнему остаётся Вера в Аллаха, Отец, Мать, память о предках, уважение к старшим.

Работы чеченских художников

Тамара Тайсумова. Страница № 6. 2021

Тамара Тайсумова. Страница № 1 в интерьере. 2019

Магомед Закриев. Никарой. 2021

Рустам Яхиханов. Мать. 2011

Рамзан Ижаев. Майстинское ущелье. 2021

Вахит Заураев. Полет бабочки. 2016

Абу Пашаев. Генезис

Тамара Тайсумова. Отпечаток. 2019

Хеда Мамаева. Джигит. 2020

Рустам Яхиханов. Молитвы предков. 2015

Рустам Яхиханов. Память. 2015

Рустам Яхиханов.
Ковровый рынок. 2016